

УДК 008 : 114"1920 "(477.75)

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО АВАНГАРДА: КРЫМСКИЙ ТЕКСТ

Шевчук В. Г.

Статья посвящена анализу художественного пространства как сложного семиотического образования, представляющего континуум текстов, связанных с эпохой так называемого «Первого русского авангарда». Автор рассматривает заявленную проблему в контексте ситуации «взрыва» как характерной особенности развития культуры, «как творческого преобразования структуры жизни» (Ю. Лотман). Основное внимание сосредоточено на событиях, происходивших на юге России – в Крыму (Симферополь, Севастополь, Керчь, Ялта) и Одессе, что отражено в мемуарах Олега Баяна (В.И. Сидорова) и в эпистолярном творчестве ярких представителей кубо-эгофутуризма: В. Маяковского, Д. Бурлюка, И. Северянина и других. Охарактеризованы их творческие позиции, взаимоотношения деятелей авангарда в период их активных выступлений перед публикой, сама атмосфера бурного времени формирования нового искусства.

Автор также обращается к проблеме соотношения содержания и формы в поэтических произведениях Маяковского, Хлебникова, Северянина и других.

Рассмотрено воплощение синтеза искусств в поэзии Владимира Маяковского на примере текстов его «крымских стихов» и сам яркий образ Крыма в цикле произведений крымской тематики. Статья является вкладом в решение проблемы «Крымский текст в русской культуре», которая дает возможность создать более полную и глубокую картину художественного пространства – диалоговых взаимоотношений между регионами формирующего авангарда.

Ключевые слова: *Авангард, футуризм, крымский текст, художественное пространство, синтетичность.*

Постановка проблемы. Проблема текста как сложного семиотического образования – одна из центральных в культурологии. Текст, являясь формой «семиотического моделирования», характеризует любое «смысловое пространство», «смысловую глыбу», образованную «множеством индивидуальных употреблений» [4, с. 26]. Это «языки культуры», неразрывно связанные с ее памятью. Они являются формами «семиотического моделирования», образующими многослойную картину мира – «семиосферу» (Ю. Лотман), представляющую континуум текстов,

находящихся в «единстве динамического развития, нередко приводящего к ситуации «взрыва» как творческого преобразования структуры жизни» [4, с. 16–17].

Таким «взрывом» явилось отечественное искусство начала XX века, названное Первым русским авангардом. Знаменательно, что уже в период активных выступлений авангардистов (10-е–20-е гг. XX в.) появились критические статьи современников (Р. Якобсона, Н. Евреинова, В. Шкловского, Н. Богомазова и других), включая статьи и отдельные высказывания самих мастеров авангарда (Д. Бурлюка, В. Хлебникова, В. Маяковского, В. Кандинского и других), в которых нашли воплощение размышления об особенностях творческих поисков художников-новаторов.

Цель статьи. Воссоздать события Первого русского авангарда, связанные с крымскими выступлениями поэтов-футуристов: В. Маяковского, И. Северянина, Д. Бурлюка, О. Баяна, охарактеризовать особенности их творческих позиций и взаимоотношения деятелей авангарда. Отметить роль В. Маяковского – поэта-художника – в формировании образа Крыма.

Изложение основного материала. Роман Якобсон, близко знавший Хлебникова, В. Маяковского (вспомним строки стихотворения «Товарищу Нетте, пароходу и человеку», где поэт пишет о том, как спорил с Нетте о «Ромке Якобсоне»), на основе анализа их творчества сформулировал свои постулаты: «размышления о слове, как таковом, и о звуке речи, как таковом...». В этих беседах участвовал и А. Крученых, отличавшийся тонким чувством слова, и В. Маяковский. Крученых и Хлебников выпустили совместный манифест «Буква как таковая». Воспоминания Якобсона доносят до нас и взгляд Маяковского на поэзию Хлебникова. Отношения между поэтами были сложные, в то же время они испытывали взаимное влияние. «Никогда не забуду, – пишет Якобсон, – как во время работы над Хлебниковыми поэмами <...> Володя это прочитал и сказал: «Вот если бы я умел писать, как Витя ...» [22, с. 83–89]. Вероятно, все упомянутые выше участники описанных ситуаций чувствовали особое качество поэтического слова В. Хлебникова – его живописную окраску. Во время беседы с Якобсоном Хлебников, показывая ему свои цветные зарисовки, назвал их: «Опыты цветной речи» (выделено мною – В.Ш.).

Такие детали характеризуют атмосферу времени, дают возможность воспринимать взаимоотношения деятелей авангарда, представленного яркими, талантливыми личностями, нередко сочетавшими в своем творчестве различные виды искусства – стремление к синтетичности определяло своеобразие самой эпохи.

Обратимся к южным регионам России – Одессе, Крыму, где события, связанные с авангардом, нашли яркое проявление в своеобразных «гастролях» футуристов (Симферополь, Керчь, Ялта, Евпатория, Одесса).

В этом контексте большой интерес представляет книга «Обвалы сердца. Авангард в Крыму», опубликованная в 2011 году [16]. В ней воспроизведены четыре футуристических альманаха, выпущенных в Крыму в 1920–1922 гг. поэтом Вадимом Баяном (В. И. Сидоровым): «Радио» – Севастополь, 1920; «Обвалы сердца» – Севастополь, 1920; «Срубленный поцелуй с губ вселенной» – Севастополь, 1921–1922; «Из батареи сердца» – Севастополь, 1922.

В приложениях приведены воспоминания В. Баяна о «Первой олимпиаде футуристов» в Крыму и Одессе, отрывки из мемуаров И. Северянина и Д. Бурлюка, поэтические произведения И. Северянина и О. Мандельштама, самого В. Баяна, имеющие отношение к нашей теме.

Владимир Иванович Сидоров (псевдоним Вадим Баян) (1880–1966), родившийся в Нововасильевке Таврической губернии, значительную часть жизни провел на юге – в Мелитопольском уезде, в Крыму, Одессе. С 1906 года его жизнь была связана с Симферополем, Севастополем, Керчью, где он и принял участие в различных событиях, организованных группой футуристов.

В своих воспоминаниях «Маяковский в первой олимпиаде футуризма» (1957–1958) В. Баян пишет, что поэт предлагал назвать Крым «Баянией»: очевидно, гордый таким предложением, он рассказывал об этой шутке Маяковского своим друзьям.

Вадим Баян, описывая встречи с Маяковским, воспроизвел то яркое впечатление, которое производил двадцатилетний поэт-футурист на окружающих. Первое воспоминание о Петербурге, где он, присутствуя на лекции Чуковского «О русских футуристах», увидел Маяковского, «сидевшего в окружении всех московских футуристов, вплоть до Алексея Крученых <...>. Пожар футуризма охватил всю наиболее взрывчатую литературную молодежь».

В 1913 году Ф. Сологуб, И. Северянин и А. Чеботаревская (писатель, переводчик, критик) во время гастрольной поездки встречаются с Вадимом Баяном в Крыму, в Симферополе. В автобиографическом романе в стихах И. Северянин описал визит к нему, в дом на улице Долгоруковской, находившийся в центре Симферополя, недалеко от Таврической губернской земской управы и от площади с обелиском князю В. Долгорукову и Александро-Невским кафедральным собором.

Игорь Северянин изобразил В. Баяна в ироничной манере:

Хотя Баян был безголос,

Но в нем немало героизма ...,

– посмеиваясь над женоподобностью и стремлением произвести впечатление. В то же время, обыгрывая псевдоним поэта (Баян), Северянин сближает его с названием сказочного острова Буяна:

Такие типы, как Баян,

Который голос свой осилил,

Идеей славы обуян,

Типичный тип ... –

Автор изобразил своего «героя» графоманом («пёк каждый день, но не калач / А дюжину стихотворений / И втайне думал, что он гений»). Вадим Баян испытал огромное влияние поэзии Игоря Северянина, не обладая его талантом, что нередко приводило к комическому эффекту. Вспоминая молодость, В. Баян писал литературоведу Б. Смиренскому: «Я и сам буду рад послать Вам лирионетты, ведь они не плохие, хотя и написаны 50 лет назад, они не хуже стихов Северянина ...» [Цит. по: 16, с.14].

С участием В. Баяна связан приезд в Крым В. Маяковского, Д. Бурлюка и их выступления на футуристических диспутах. Д. Бурлюк в воспоминаниях описывает,

как «получил телеграмму от Маяковского из Симферополя», где тот сообщал «о крымском турне и предлагал немедленно принять в нем участие» [1, с. 67]. Телеграмма гласила: «Дорогой Давид Давидович. Седьмого вечер. Выезжайте обязательно Симферополь. Долгоруковская, семнадцать, Сидоров. Перевожу пятьдесят. Устроим турне. Телеграфируйте. Маяковский [Цит. по: 16, с. 44].

Турне задумывалось как выступления единомышленников, но именно Маяковский, по воспоминаниям Баяна, придал всему «оттенок соревнования и соперничества – предложив переименовать турне в «олимпиаду», а участников – в «состязающихся».

В своих воспоминаниях В. Баян описывает В. Маяковского во время встречи в Симферополе, где планировалась крымская акция футуристов. Баян отмечает выразительные глаза поэта и его взгляд, в котором он нашел выражение пафоса футуриста: «Его тяжелые, как гири, глаза, которые, он, казалось, с трудом переваливал с предмета на предмет, дымились гневом отрицания старого мира, и весь он был чрезвычайно колоритен и самоцветен, вернее – был похож на рисунок, который закончен во всех отношениях» [2, с. 120].

В воспоминаниях Баяна описана обстановка в преддверии выступления футуристов в Симферополе. Все находившиеся здесь литераторы предостерегали в газетных статьях публику: «...Шарлатанство» или «Желтый дом!». Реакция Маяковского: «Выслушав информацию организатора, Маяковский сказал: «Чем хуже, тем лучше».

Когда футуристов «оглушили» запретом полицеймейстера, было решено «двинуть» на него Маяковского. Невозможно не привести описание этой встречи, приведенное Баяном: «Взвиздающий голос Маяковского, согретый необычайной внутренней теплотой», «красноречивые выкладки», «замысловатые тезисы» о «насаждении новой культуры» – и «из полицеймейстера поползло доверие». Афиша была подписана, расклеена и «приводила в бешенство симферопольских граждан».

Не менее колоритно описана «грандиозная встреча». Выступление футуристов состоялось 7 января 1914 г. в симферопольском Театре Таврического дворянства.

Героем встречи был Владимир Маяковский. Его выступления ярко и темпераментно описал Вадим Баян в воспоминаниях «Маяковский в первой олимпиаде футуристов. Трехкамерное сердце». Приведем некоторые штрихи, характеризующие состояние зрителей и талант оратора, умение управлять массой, что являлось отличительной особенностью личности Маяковского.

Театральный зал был переполнен, «из дверей всех ярусов среди пышных туалетов <...> оскорбительно торчали фигуры городских. <...> Температура зала была повышена. <...> где-то под кожей этой красивой аудитории вздулся нарыв <...>. На сцену, точно командир к войскам, в полосатой блузе, среди невероятного шума и гама, бодро вышел Маяковский».

Громя символистов, обращаясь к поэзии Пушкина и Державина, «Маяковский настойчиво предложил идею футуризма», демонстрируя его сегодняшние достижения и формулируя задачи завтрашнего дня [2, с.135–137].

Общество, поставившее себя в оппозицию поэту, было повержено: «предубеждение сталкивалось с восторгом, недоумение – с почти осязаемым

ощущением правоты футуристов и вопиющей потребности освежения литературного мира сквозняками футуризма» [2, с. 137]. Мемуарист называет Маяковского «трибунным златоустом», «реформатором», «преобразователем», доказавшим необходимость «переоценки старых ценностей». «Бледными и легковесными» выглядели прочитанные участниками встречи стихи. В. Баян был убежден, что единственно им «Маяковский был изображен серьезно и величественно, как монумент нашего века» [16, с. 38].

Следующая акция футуристов осуществилась 9 января в Севастополе, в зале Общественного собрания. 12 января поэты читали свои произведения в Керчи, где произошел разрыв Северянина с футуристами. В воспоминаниях А. Крученых сохранились заметки об этих событиях: «После нескольких выступлений будетляне поссорились с Северянином и бросили его где-то в смрадной Керчи, по собственному выражению пострадавшего. Помню, Маяковский мне рассказывал: «Северянин понял, что мы можем и без него обойтись. Каждый из нас мог и доклад сделать, и стихи прочесть...» [3, с. 91].

Образ Маяковского, созданный В. Баяном, замечателен и тем, что автор показал своего героя и как поэта, и как художника. Он воспроизвел образ Маяковского, тут же, в гостинице, где во время крымских гастролей тот жил вместе с И. Северянином и В. Баяном: поэт сделал наброски – графические рисунки с них. Это описание дает возможность оценить синтетичность одаренности Маяковского (К. Чуковский в своих воспоминаниях приводит эпизод в Куоккале, на даче И. Репина, и восторг великого художника от дружеского шаржа Маяковского, верности его руки и зоркости видения).

Мы должны быть благодарны Вадиму Баяну (Владимиру Сидорову), слабому поэту, но, как оказалось, талантливому мемуаристу, который, несмотря на обиды, донёс до нас яркий образ Маяковского не только как поэта, но и как художника.

Объявив, что он будет рисовать, к удивлению Северянина и Баяна (т. к. кроме трёх листов ватмана и простого карандаша у него ничего не было), усадив Баяна на стул и оседлав другой, поэт-художник «... перешел в наступление и, казалось, прямо штурмовал мое лицо», а, окончив, «сиял как победитель, как охотник, накинувший аркан на зебру». Рисунок был обведен чернилами (что было осуществлено папиросой: «... неистово работал, ... часто тыкая то в чернильницу, то в рисунок») [2, с. 128–129]. Был выполнен и набросок с Северянина, который, к сожалению, не сохранился. Северянин утверждал, что тот рисунок, исполненный углём, был размером около аршина и впоследствии висел в его кабинете. Бурлюк, вспоминая свой визит к Северянину, во время которого увидел этот рисунок, также его упоминает: «... в раме под стеклом прекрасный, схожий с оригиналом набросок углём и чернилами Владимира Маяковского, изображающий Игоря Северянина» [16, с. 178].

В. Баян в своем очерке не только живо и непосредственно характеризует художника Маяковского, но и убеждает читателя: перед нами гений в процессе творения: «Ноздри Маяковского вздрагивали, в глазах светилась гениальность. Он был доволен» [2, с. 129].

Мемуары В. Баяна ценны тем, что подмеченные им детали по-новому раскрывают взаимоотношения поэтов. Так, описывая ужин на своей квартире в Симферополе, В. Баян приводит диалог Маяковского и Северянина, отзвуки которого слышны в поэзии последнего.

Маяковский, «комбинируя кушанья, надел на острие фруктового ножичка кусочек ананаса и, окунув его в бокал с шампанским, предложил Северянину: «Игорь Васильевич, попробуйте ананасы в шампанском, удивительно вкусно!» [2, с. 132].

Северянин ответил импровизацией, сегодня широко известными строками:

*«Ананасы в шампанском! Ананасы в шампанском!
Удивительно вкусно, искристо, остро!
Весь я в чем-то норвежском! Весь я в чем-то испанском!
Вдохновляюсь порывно! И берусь за перо!»*

Отзвуки личных разногласий с Северяниным и их поэтическое соревнование – и в произведениях Маяковского. В стихотворении «А вы могли бы?» (1913) – северянинские мотивы «ноктюрна» и «флейты» сталкиваются с грохотом «водосточных труб»:

*Я сразу смазал карту будня,
плеснувши краску из стакана;
я показал на блюде студня
косые скулы океана.
На чешуе жестяной рыбы
прочел я зовы новых губ.
А вы
ноктюрн сыграть
могли бы
на флейте водосточных труб? [5, с. 40].*

Следует отметить, что никаких упоминаний об отношениях с И. Северяниным комментарии первого тома полного собрания сочинений Маяковского 1955 года издания не содержат.

Несмотря на эту размолвку, В. Маяковский высоко ценил поэзию И. Северянина, что отражено, в частности, в статье Н. Харджиева «Маяковский и Игорь Северянин» [См.: 18, с. 37–71]. Поэты тепло встретились в 1922 году в Берлине, где Маяковский помог Северянину в издании нескольких сборников.

В январе 1923 года в стихотворении «Владимиру Маяковскому» Игорь Северянин вспомнил Крым, совместные поездки, выступления и отдал дань восхищения другу Владимиру:

*В те годы черного режима
Мы подняли в искусстве смерч.
Володя! Помнишь горы Крыма
И скукой скорченную Керчь?
О, вспомни, вспомни, колобродя
Воспоминаний дальних мглу,
В Гурзуф и Ялту, мой Володя,*

Поездку в снежную пургу.

В авто от берегов Салгира ... [16, с. 163].

В воспоминаниях о Маяковском И. Северянин выразил сожаление о том, что «в свое время недооценил его глубинности и хорошеи: мы совместно, очевидно, могли бы сделать больше, чем каждый врозь ...» [Цит. по: 16, с. 164].

Еще одно упоминание об интересе Маяковского к графике: В. Баян подарил ему свою первую книгу стихов. Отозвавшись неодобрительно о поэтическом опыте («... помесь Апухтина с Надсоном»), Маяковский «впился взглядом в обложку», оформленную известным графиком Нарбутом.

В итоге этой встречи Маяковский, проявив всё-таки расположение к начинающему поэту, увидев на столе краски (гуашь), покрыл ими нарисованный ранее портрет Баяна (в центре Симферополя). Когда Маяковский хотел дописать плечо, подошел к нему проснувшийся Давид Бурлюк, (приехавший рано утром) – «общей радости было много» – : в результате левое плечо портрета осталось незаконченным».

После крымской эпопеи группа футуристов в составе В. Маяковского, Д. Бурлюка, В. Каменского, критика П. Пильского выступала в Одесском литературно-художественном клубе (отзвуки пребывания в Одессе – в поэме В. Маяковского «Облако в штанах» (1915):

Это было,

Было в Одессе.

События тех лет освещены в ряде работ: в мемуарах участников, в теоретических разработках более позднего времени [См.: 19, с. 6–38; 18, с. 95–148; 21, с. 83–89 и другие].

Так в диалоговые взаимоотношения между Западом и Востоком, регионами формирующегося авангарда, вступил Юг – Крым (Симферополь, Севастополь, Керчь, Ялта) и Одесса. Именно в этот период произошло разделение на «эго» и «кубо-» футуризм, в тех группировках, которые сформировались на крымском уровне.

Вспоминая свою «футуристическую» юность, В. Маяковский в 1927 году написал «Письмо о футуризме» (Москва, 1 сент., 1922). В этом документе он перечислил своих соратников: В. Хлебников, Д. Бурлюк, А. Крученых, В. Каменский, Н. Асеев, О. Брик, С. Третьяков, В. Кушнер – те, кому, по словам Маяковского, «некогда было заниматься теорией поэзии, мы давали её практику» [6, с. 56–58].

Маяковский приводит основные положения концепции футуристов в манифесте «Пощечина общественному вкусу». Среди них – «утвердить словесное искусство как мастерство слова, но не как эстетскую стилизацию, а как умение в слове решать любую задачу», произвести «звуковую инструментовку слова», ввести в поэзию «полиритмию» самого языка, «революционизировать» синтаксис и другие положения. Поэт отмечает: если в революционную эпоху требовалась «лозунговая лирика», то новое время ставит иные задачи – создание «современного эпоса», причем «действенно-утопического», в котором воплотились бы мечты о будущем:

изображение быта «не таким, какой он есть, а каким будет или должен быть» [6, с. 56–58].

Крымская тема была продолжена в лирике В. Маяковского позднее. В 1924–1928 гг. поэт воспевае природу Южного берега Крыма – Ялту, Алушту, Гурзуф, Евпаторию, крымские дороги-серпантины, море и небо – всё, что составляет уникальность этого празднично увиденного края.

Маяковский продолжает работу над выразительностью поэтического слова, развивая тенденции, намеченные в футуристический период: «Слово как таковое». Приведём некоторые примеры.

В 1924 году он создает стихотворение «Севастополь – Ялта», вызванное впечатлением от поездки по Крыму и Кавказу (20 августа – середина сентября 1924 года). Поэта поразило многообразие незабываемых реалий полуострова: серпантин дороги от Севастополя до Ялты –

*«Дорога до Ялты
будто роман:
Все время
надо крутить»* [15, с. 65–67].

Восприятие пути находит сравнение с личными чувствами поэта: смена видов пейзажа вызывает различные впечатления и эпизоды «романа», который «надо крутить». Авто то подступает к горам, где прохладнее, то вновь «плавится» на солнце. Так и страсть:

*«Так сердце
тебе
распалает страсть,
И грудь –
раскаленной жаровней»* [15, с. 66].

То жар, то тоска – «так и в любви». Следует отметить своеобразие композиции: Маяковский артистически владел приемами различных видов искусств, в частности, кино: всё стихотворение как бы подготовленный сюжет для съёмок: перед нами «кадрированный текст», мы видим отдельные кадры, запечатлённые кинокамерой. Этот же прием своеобразной «кадровки» поэт осуществляет в стихотворениях, носящих одинаковые названия: «Крым» (1927) и «Крым» (1928). И вновь перед нами – загадочные для поэта названия крымских чудес. Массандра, Байдары, Чаир, магнолия, глициния, представшие перед ним «в сияньи лунных чар», – образ переносит нас в мир романтической поэзии, как и описание водопада: «*И ночью / на Чаир / вода / бежит, / рыча*», и образы «тритонов и наяд» [10, с. 144].

Всё это создает ни с чем не сравнимый облик Крыма:

*«Нашему
Крым
с чем сравниться?
Не с чем
нашему
Крым
сравниваться!»* [11, с. 222].

Как и в раннем творчестве, поэт в описаниях природы мыслит как живописец: «Солнце светлоголовое», «Воздух жёлт. Песок жёлт», «Небо синее», «Пылают горы-горны, / и море синемлужится», море исчезло в «фиолетовом тумане», поэту видно «радуги пыланье», «серебряные тополя стоят фронтом».

В. Маяковский «играет» со словом: («Слово, как таковое») особенно ярко этот выразительно-изобразительный прием поэт использует в известном стихотворении «Евпатория»: применяя различные суффиксы, он находит новые и новые смысловые оттенки слова «Евпатория»: евпаторийская, евпаторийцы, евпаторийки, евпаторьяки, евпаторяне, евпаторьячи, евпаторство – неологизмы, их звучание как бы воспроизводит плеск волн у песчаных евпаторийских берегов.

Очень жаль мне

тех,

которые

не бывали

в Евпатории.

[7, с. 228–229].

Маяковский создал немало других произведений разных жанров на основе крымского материала: кроме вышеназванных, стихи: «Земля наша обильная» [8], «Канцелярские привычки» [9], «Небесный чердак» [12], «Польза землетрясений» [13]; киносценарии для фильмов: «Дети» (о ребятах из пионерского лагеря «Артек») и комедии «Слон и Спичка». Маяковский часто бывал на съемках в Ялтинской кинофабрике.

Анализируемые тексты дают возможность составить представление о художественном пространстве не только искусства, но и своеобразия самой эпохи авангарда, динамику времени. О. Шпенглер, подчеркивая важность феномена пространства для искусства, называет его «прасимволом искусства», из которого можно вывести весь «язык» ее форм [20]. Приведенные отрывки текстов из произведений деятелей авангарда характеризуют своеобразие не только творчество поэтов начала XX века, но и самого времени, его живой образной формы.

Таким образом, различные тексты: мемуары О. Баяна, поэтические произведения, посвященные Крыму, яркие образы самих творцов искусства – нашли воплощение в процессе формирования нового «смыслового пространства» 10-х–20-х гг. XX столетия – Серебряного века русской культуры, представленного блистательными талантами. В их числе – глашатаи Первого русского авангарда, одна из черт которого, по определению Д. Сарабьянова, «максимализм его представителей», который объяснялся стремлением довести «до крайней точки свои концепции, ... объяснить и смысл творчества, и существо жизни, и смысл ее преобразования».

В анализируемом материале воссоздан яркий образ В. Маяковского, отдавшего дань любви Крыму – «копии древнего рая», красота и уникальность которого явились источником творческого вдохновения поэта.

Список литературы

1. Бурлюк Д. Фрагменты из воспоминаний футуриста. Письма. Стихотворения / публик., предисл., примеч. Н. А. Зубкова / Д. Бурлюк. – СПб.: Пушкинский фонд, 1994. – 383 с.
2. Баян В. Маяковский в первой олимпиаде футуристов / В. Баян // Обвалы сердца Авангард в Крыму [Сост., пред. и комм. С. Шаргородского. Б.м.: Salamandra P.V.V.]. – 2011. – С. 119–139.
3. Крученых А. Наш выход: К истории русского футуризма / А. Крученых [сост., вступ. ст. Р. В. Дуганова]. – М.: ЛХА RA, 1996. – 247 с.
4. Лотман Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб: Искусство – СПб, 2000. – 704 с.
5. Маяковский В. Полн. собр. соч.: в 13 т. / В. Маяковский. – М.: ГИХЛ, 1955. – Т. 1. – 404 с.
6. Маяковский В. Полн. собр. соч.: в 13 т. / В. Маяковский. – М.: ГИХЛ, 1958. – Т. 13. – С. 56–58.
7. Маяковский В. Евпатория / В. Маяковский // Полн. собр. соч. – М.: ГИХЛ. – Т. 9. – С. 228–229.
8. Маяковский В. Земля наша обильная / В. Маяковский // Полн. собр. соч. – М.: ГИХЛ. – Т. 9. – С. 230–232.
9. Маяковский В. Канцелярские привычки / В. Маяковский // Полн. собр. соч. – М.: ГИХЛ. – Т. 7. – С. 167–169.
10. Маяковский В. Крым / В. Маяковский // Полн. собр. соч. – М.: ГИХЛ. – Т. 8. – С. 144–145.
11. Маяковский В. Крым / В. Маяковский // Полн. собр. соч. – М.: ГИХЛ. – Т. 9. – С. 222–225.
12. Маяковский В. Небесный чердак / В. Маяковский // Полн. собр. соч. – М.: ГИХЛ. – Т. 9. – С. 226–227.
13. Маяковский В. Польза землетрясений / В. Маяковский // Полн. собр. соч. – М.: ГИХЛ. – Т. 9. – С. 233–235.
14. Маяковский В. Письмо о футуризме / В. Маяковский // Полн. собр. соч. – М.: ГИХЛ. – Т. 13. – С. 56–58.
15. Маяковский В. Севастополь – Ялта / В. Маяковский // Полн. собр. соч. – М.: ГИХЛ, 1958. – Т. 6. – С. 65–67.
16. Обвалы сердца. Авангард в Крыму [сост., предисл., коммент. И. С. Шаргородского]. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2011. – 187 с.
17. Харджиев Н. От Маяковского до Крученых: Избранные работы о русском футуризме / Н. Харджиев [сост. С. Кудрявцев]. – М.: Гилея, 2006. – 560 с.
18. Харджиев Н. Статьи об авангарде: в 2 т. / Н. Харджиев [сост. Р. Дуганов, Ю. Арпишкин, А. Сарабьянов; ред. В. Ракитин, А. Сарабьянов]. – М.: RA, 1997. – Т. 1. – С. 95–148.
19. Харджиев Н. Статьи об авангарде: в 2 т. / Н. Харджиев [сост. Р. Дуганов, Ю. Арпишкин, А. Сарабьянов; ред. В. Ракитин, А. Сарабьянов]. – М.: RA, 1997. – Т. 2. – С. 6–38.
20. Художественное пространство [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1342/ХУДОЖЕСТВЕННОЕ.
21. Шевчук В. Г. Диалог «Запад и Восток» в культуре российско-европейского авангарда / В. Г. Шевчук. – Германия: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. – 135 с.
22. Якобсон Р. Из воспоминаний / Р. Якобсон // Мир В. Хлебникова: Статьи. Исследования (1911–1998) [сост.: В. В. Иванов, З. С. Паперный, А. Е. Парнис]. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 83–89.

Shevchuk V. G. Avant-garde art space: crimean text // Scientific Notes of Crimea Federal V. I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2015. – Vol. 1 (67). – № 3. – P. 172–182.

The article is devoted to the analysis of the art space as the difficult semiotics institution representing the continuum of the texts connected with an era of the so-called "First Russian vanguard". The author considers the declared problem in the context of a situation of "explosion" as characteristic of cultural development, "as creative transformation of structure of life" (Yu. Lotman).

The main attention is concentrated on the events which were taking place in the south of Russia – in the Crimea (Simferopol, Sevastopol, Kerch, Yalta) and Odessa that is reflected in Oleg Bayan's (V. I. Sidorov's) memoirs and in epistolary creativity of bright representatives of a kubo-egofuturizm:

V. Mayakovski, D. Burluk, I. Severyanin and others. Their creative positions, relationship of figures of vanguard during their active performances, the atmosphere of rough time of formation of new art have been characterized.

The author also addresses a problem of a ratio of content and a form in the poetic works of Mayakovski, Khlebnikov, Severyanin and others. The embodiment of synthesis of arts in Vladimir Mayakovski's poetry on the example of his texts of "his Crimean verses" and a bright image of the Crimea in a cycle of works have been considered.

This article is a contribution to a solution "The Crimean text in the Russian culture" which gives the chance to create fuller and deep picture of art space – dialogue relationship between regions of the forming vanguard.

Keywords: Avant-garde, futurism, the Crimean text, art space, synthetism.

References

1. Burluk D. Fragmenti iz vospominaniy futurista. Pisma. Stikhotvoreniya [Fragments of futurist's memoirs. Letters. Poems]. – Saint-Petersburg: Pushkinskiy fond. – 1994. – 383 p.
2. Bayan V. Mayakovski in the first Olympiad of futurists. In: Obvali serdtsa. Avangard v Krimu [Heart collapses. Vanguard in the Crimea]. – 2011. – P. 119–139.
3. Kruchenikh A. Our exit: To history of the Russian futurism. – M.: LHA RA. – 1996. – 247 p.
4. Lotman Yu. Semiosphere. – Saint-Petersburg: Iskusstvo – SPB. – 2000. – 704 p.
5. Mayakovski V. Complete works in 13 v. / V. Mayakovski. – M.: GIHL. – V.1. – 1955. – 404 p.
6. Mayakovski V. Complete works in 13 v. / V. Mayakovski. – M.: GIHL. – V.13. – 1958. – P. 56–58.
7. Mayakovski V. Yevpatoriya / V. Mayakovski // Complete works in 13 v. – M.: GIHL. – V.7. – 1955. – P. 167–169.
8. Mayakovski V. Zemlya nasha obilnaya [Earth our plentiful] / V. Mayakovski // Complete works in 13 v. – M.: GIHL. – 1955. – V. 9. – P. 230–232.
9. Mayakovski V. Kantselyarskie privichki [Office habits] / V. Mayakovski // Complete works in 13 v. – M.: GIHL. – 1955. – V. 9. – P. 228–229.
10. Mayakovski V. Krim [Crimea] / V. Mayakovski // Complete works in 13 v. – M.: GIHL. – 1955. – V. 8. – P. 144–145.
11. Mayakovski V. Krim [Crimea] / V. Mayakovski // Complete works in 13 v. – M.: GIHL. – 1955. – V. 9. – P. 222–225.
12. Mayakovski V. Nebesniy cherdak [Heavenly attic] / V. Mayakovski // Complete works in 13 v. – M.: GIHL. – 1955. – V. 9. – P. 226–227.
13. Mayakovski V. Polza zemletryaseniy [Advantage of earthquakes] / V. Mayakovski // Complete works in 13 v. – M.: GIHL. – 1955. – V. 9. – P. 233–235.
14. Mayakovski V. Pismo o futurizme [A letter about futurism] / V. Mayakovski // Complete works in 13 v. – M.: GIHL. – 1955. – V. 13. – P. 56–58.
15. Mayakovski V. Sevastopol – Yalta / V. Mayakovski // Complete works in 13 v. – M.: GIHL. – 1958. – V. 6. – P. 65–67.
16. Obvali serdtsa. Avangard v Krimu [Heart collapses. Vanguard in the Crimea]. – 2011. – 187 p.
17. Khardjiev N. From Mayakovsky to Kruchenikh: The chosen works about the Russian futurism / N. Khardjiev. – Moscow: Gileya. – 2006. – 560 p.
18. Khardjiev N. Articles about avant-garde: in 2 v. / N. Khardjiev. – Moscow: RA. – 1997. – P. 95–148
19. Khardjiev N. Articles about avant-garde: in 2 v. / N. Khardjiev. – Moscow: RA. – 1997. – V. 2. – P. 6–38.
20. Khudojestvennoe prostranstvo [Artistic space]. – Available at: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1342/ХУДОЖЕСТВЕННОЕ.
21. Shevchuk V. Dialogue "The West and the East" in culture of the Russian-European vanguard. – Germany: LAP LAMBERT Academic Publishing. – 2014. – 135 p.
22. Jacobson R. From memoirs / R. Jacobson // The world of Velimir Khlebnikov. – Moscow: Yaziki russkoy kultury. – 2000. – P. 83–89.